

ECONOMIC POTENTIAL OF POPULATION AS A BASIS FOR THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONS

The article presents the main approaches to the concept of “economic potential of population” and evaluates economic potential of the population of Perm region in comparison with other regions of Russia. The author analyzes the indicators, characterizing the standard of living of the population, unemployment, economic development of the region, complex indicator “human development index” (HDI). The paper reveals the readiness of young people to participate entrepreneurial activity. The paper shows that this readiness is still very low, as well as the indicators of small business development in the region are not high enough. The article proves that in order to increase the opportunities for the development of the economic potential of population of Russian regions (including Perm region), as well as for the development of small business, a greater economic independence of the regions is necessary. This goal can be achieved only within the framework of the consistent federal regional policy.

Keywords: labour potential, region, labour market, subject of the Russian Federation, human capital, economic potential of population

JEL: P25, R11, R13

Дата поступления — 08.05.2018 г.

РУДЕНКО Марина Николаевна

доктор экономических наук, доцент, заведующая кафедрой предпринимательства и экономической безопасности; ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет» / ул. Букирева, 15, г. Пермь, 614990. e-mail: m.ru.ko@mail.ru

RUDEENKO Marina N.

Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor, Head of the Chair of Entrepreneurship and Economic Security; Leading researcher, Institute of Economics, Ural branch of the Russian Academy of Sciences; Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Perm National Research University” / 15, Bukireva, Perm. 614990. e-mail: m.ru.ko@mail.ru

Для цитирования

Руденко М. Развитие и реализация экономического потенциала населения как основа устойчивого развития регионов // Федерализм. № 2. 2018. С. 79–96.

Василий МИХЕЕВ, Сергей ИГНАТЬЕВ

БУДУЩИЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА И ЕГО РОССИЙСКИЙ РАКУРС

В течение ближайших десяти лет не просматривается формирование универсальной и всеобъемлющей системы торгово-экономических отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Более того, в настоящее время отмечается наличие нескольких крупных экономических инициатив и стратегий, претендующих на роль экономического драйвера региона, среди которых китайская инициатива «Пояс и путь», Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и т.д. Важное влияние на экономическую архитектуру региона оказал выход США из Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве и переориентация Вашингтона на заключения двусторонних торговых соглашений. Также отмечается фрагментация АТР с точки зрения универсальных для азиатского региона институтов безопасности наднационального характера и невозможность их формирования в ближнесрочной и среднесрочной перспективах. Статья посвящена изучению и прогнозированию процессов социально-экономического и политического характера в странах АТР.

Ключевые слова: безопасность, сотрудничество, регион, торгово-экономическая система в АТР, экономика

JEL: F01, F02, F15, F29, F42

Нашу статью мы предлагаем рассматривать как продолжение изучения роли «умной силы» (*силы идей*) в обеспечении и стимулировании развития стран Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР).

Предметом исследования выступают государственные стратегии стран АТР, уже сформулированные политическими элитами или пока еще только разрабатываемые экспертами. Эти стратегии рассматриваются, во-первых, как реакция стран на наиболее актуальные проблемы развития, а, во-вторых, как средство реализации политических и экономических амбиций правящего класса — претензии на лидерство, развитие многосторонних форматов, разрешение региональных проблем и т.п. Иными словами, авторы *пытаются дать прогноз поведения стран АТР* в среднесрочном будущем.

Период прогнозирования — 10–15 лет.

Стратегическая цель исследования, выходящая за рамки данной научной статьи — в силу жанра весьма короткой работы, состоит в том,

чтобы получить доступ к инструментам своего рода «стратегического инжиниринга». Имеется в виду работа по оказанию нужного нам влияния на экспертное, политическое, государственное мышление в странах АТР в желательном для России направлении. Оказанию влияния посредством «умной силы», «2-й и 1,5-й дорожек (треков)» международного общения и др.

Другая цель, которую перед собой ставят авторы, — это выработка предложений по корректировке российских стратегий на пространстве АТР в соответствии с разрабатываемыми и реализующимися стратегиями других государств.

Сверхзадача, которую сегодня мы скорее лишь обозначаем, но пока не решаем, видится в том, чтобы дать прогноз того, с какими, сегодня еще даже не появившимися в головах экспертов и политиков, стратегиями развития и международного поведения стран АТР Россия может соприкоснуться в среднесрочной перспективе. Если в будущем нам удастся это сделать, то при использовании выше упомянутых инструментов «стратегического инжиниринга» мы смогли бы подтолкнуть региональную политическую мысль к новым, более выгодным нам, вариантам стратегий развития и международного поведения стран азиатского региона.

Говоря о России, мы попытаемся очертить иерархию зон интересов Москвы, понять, где необходимо, а где пока не стоит торопиться с реакцией на происходящие события, т.е. где выгоднее не спешить с инициативами, но продолжать наблюдать за ситуацией. Постараемся представить соображения относительно рационализации политики России в АТР с целью формирования восприятия России в данном регионе как ответственного игрока.

В геополитическом плане авторы фокусируются на исследовании следующих вопросов.

1. Стратегии внутривосточного развития Китая и инициатива «Пояс и путь», в состав которой входят «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь XXI века».

2. Проблемы ракетно-ядерной программы КНДР и вопросы объединения Корейского полуострова.

3. Роль и место Японии в мире.

4. Региональная роль стран АСЕАН.

5. Азиатская политика США (выход из Соглашения о Транстихоокеанском партнерстве (далее — ТТП), политика «*America first*» и т.д.).

Как пример того, каким образом «умная сила» способна влиять на стратегии развития и внешней политики стран, можно упомянуть одно соображение китайского ученого Линь Ифу (в прошлом главного экономиста Всемирного банка). На международном форуме «Экономические перспективы Китая» в 2017 г. проф. Линь высказался в пользу формирования китайско-американского партнерства в развитии мировой инфраструктуры, связав большой, по мнению китайского эксперта, «интерес» президента США Трампа к «строительству инфраструктуры для экономического роста» и китайскую инициативу «Пояс и путь». Последняя, по мнению проф. Линь, также «состоит в обеспечении экономическо-

го развития посредством модернизации глобальной инфраструктуры». Отталкиваясь от такого сходства подходов, китайский ученый высказал предположение о будущем сотрудничестве Китая и США в модернизации и развитии мировой инфраструктуры двух стран, которые, как уверен китайский эксперт, «обладают огромным потенциалом взаимодействия в данной сфере» [1].

Общая характеристика ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Исходной на сегодняшний день авторской посылкой является тезис о том, что в течение ближайших 10 лет не возникнет преобладающей тенденции в формировании торгово-экономической системы в АТР — ни ТТП, из которого вышли США, ни китайский проект «Пояс и путь» ввиду существующей на сегодня неопределенности приоритетов китайского бизнеса, ни АСЕАН, которая продолжает сохранять характер субрегиональной организации, не станут структурообразующим фундаментом новой экономической реальности в регионе.

В условиях отсутствия в АТР универсальной архитектуры торгово-экономических отношений будет наблюдаться разнообразие предлагаемых стратегий азиатских стран в отношении их видения того, как должна быть устроена экономическая система в данном регионе. При этом американская пропротекционистская политика «*America first*» будет в течение определенного, связанного с пребыванием на президентском посту Д. Трампа, времени подталкивать регион к акцентированию двусторонних связей против многостороннего сотрудничества.

В таких условиях практически невозможен возврат к участию США в Соглашении о ТТП, из которого Вашингтон вышел в январе 2017 г. [2]. Вместо этого оставшимися 11 странами (Австралией, Брунеем, Вьетнамом, Канадой, Малайзией, Мексикой, Новой Зеландией, Перу, Сингапуром, Чили и Японией) было подписано Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства (*Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership*) [3]. Несмотря на достигнутый дипломатический успех, следует отметить, что главным экономическим поражением для 11 стран стала потеря доступа на американский рынок.

Реальность торгово-экономической системы АТР такова, что ее формирование не может идти без учета интересов двух главных акторов — Китая и США, чей экономический вес в регионе является подавляющим.

Китайское правительство реализует свою стратегию «Пояс и путь», в основе которой лежат сухопутный («Экономический пояс Шелкового пути») и морской («Морской Шелковый путь XXI века») маршруты. Сухопутное направление сосредоточено на евразийском континенте [4], в то время как целью реализации морского направления китайской стратегии является создание «голубых экономических коридоров» через Юго-Восточную Азию в Индийский океан и в южную часть Тихого океана [5].

Параллельно Китай разрабатывает собственную арктическую политику в рамках «Пояса и пути», придавая своей стратегии все более глобальный и всеохватывающий характер [6].

Бывший президент США Б. Обама в свое президентство посредством реализации концепции Транстихоокеанского партнерства пытался осуществить так называемое нормативное давление на Китай — т.е. побудить китайское руководство перейти на американские стандарты ведения бизнеса, инвестиций, защиты интеллектуальной собственности и т.п. Сегодня, в изменившихся условиях после выхода США из Соглашения о ТТП, Пекин ощущает нарастающую потребность в разработке своего рода «нормативной альтернативы» для стран региона, объединившихся в ТТП-11. Что дало бы китайскому бизнесу дополнительные конкурентные преимущества. Однако вопрос о том, удастся ли ему это сделать в среднесрочной перспективе, остается открытым.

Ситуация, как представляется, будет развиваться таким образом, что Китаю придется реагировать на американскую стратегию заключения двусторонних партнерств со странами Азиатско-Тихоокеанского региона путем внесения «нормативной составляющей» в китайскую инициативу «Пояс и путь». Чего Китай пока не делает, опасаясь негативной реакции на такого рода принуждающие инициативы со стороны стран-партнеров по Шелковому пути, болезненно встречающих любой намек на ту или иную вариацию «китайского давления». В связи с этим, на наш взгляд, возникает вероятность изменения качества китайской стратегии «Пояс и путь» в направлении придания ей более комплексного характера. Мы прогнозируем появление в ближайшей перспективе в Китае новой идеи *глобального Транстихоокеанского и трансатлантического партнерства Шелкового пути* [7, С. 70].

Другой вариант, который рассматривается экспертами в качестве движущего фактора формирования региональной системы торгово-экономических отношений в АТР, — это идея Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (далее — АТЗСТ). Однако, учитывая отсутствие заинтересованности в ней со стороны США и других крупных азиатских акторов, в среднесрочной перспективе она, скорее всего, не получит своего продвижения, хотя и останется в роли своего рода запасного варианта для интеграционного будущего АТР.

Приход к власти в 2017 г. в Южной Корее новой администрации Мун Чжэ Ина дал жизнь еще одной региональной интеграционной стратегии — так называемой «Северной экономической политике», предполагающей *создание пространства экономического партнерства*, охватывающего Корейский полуостров, Дальний Восток России, Сибирь, российское арктическое пространство, Центральную Азию, Монголию и северо-восток Китая. Однако этой инициативе потребуется еще время для того, чтобы стать понятной и приемлемой для потенциальных стран-партнеров. В части Корейского полуострова успех начинаний Сеула в ключевой степени будет зависеть от того, удастся ли решить проблему ядерного разоружения Северной Кореи [8]. Более того, и в случае нормализации ситуации на Корейском полуострове «Северная экономическая политика» будет продолжать сталкиваться с серьезными вызовами. Вероятная в случае мира в Корее переориентация экономических ресурсов Сеула в направлении Пхеньяна естественным образом ограничит возможности Южной Кореи в финансировании взаимодействия с экономиками других стран.

Говоря о ситуации *в сфере безопасности* в АТР, прежде всего необходимо отметить отсутствие в регионе единых объединяющих институтов наднационального характера. В ближайшей перспективе маловероятно, что картина претерпит кардинальные изменения.

Во-первых, в странах АТР отмечается усиление националистических настроений и распространение обостренно чувствительного отношения к проблеме национального суверенитета.

Во-вторых, в регионе отсутствует единая крупная угроза безопасности азиатским странам. Ракетно-ядерная программа КНДР в качестве военной угрозы воспринимается в Японии и Южной Корее. В США и России — это, скорее, угроза сохранению режима нераспространения ядерного оружия, а для Китая — проблема техногенного характера.

Одновременно наблюдается тренд *на пересечение интересов обеспечения безопасности* стран АТР (тот же Корейский полуостров, ситуация с мусульманским меньшинством в Мьянме и т.п.). А, с другой стороны, обострение противоречий по таким вопросам, как территориальные споры в Южно-Китайском море, в районе индо-китайской границы и т.д.

Будущее развитие экономической и военно-политической ситуации в АТР в решающей степени будет зависеть *от характера американско-китайских отношений*. Без взаимодействия Вашингтона и Пекина невозможно формирование инклюзивных институтов безопасности, а также каких-либо всеобъемлющих экономических организаций и платформ.

Что касается *азиатской политики США*, то она нашла свое концептуальное оформление в новой Национальной стратегии безопасности. В данном документе американское правительство апеллирует термином «Индо-Тихоокеанский регион», придавая индо-американскому сотрудничеству более выраженное антикитайское качество [9].

В то же время при президенте Трампе Вашингтон акцентирует свою заинтересованность в рациональном и сбалансированном *точечном* присутствии в АТР, прямо вовлекаясь только в те региональные процессы, которые напрямую затрагивают национальные интересы США, такие как ракетно-ядерная программа КНДР, Тайваньский вопрос, обеспечение свободы судоходства.

Обострение американско-китайских торгово-экономических отношений имеет не только региональное значение, но и оказывает влияние на всю мировую экономику.

Первый раунд торговых консультаций, состоявшийся 3–4 мая 2018 г. в Пекине, целью которых было прекращение «торговой войны» между двумя странами, завершился без достижения конкретных результатов. США потребовали, чтобы Китай сократил профицит в торговле с США на 200 млрд долл. в течение ближайших двух лет, остановил субсидирование отраслей в рамках программы «Сделано в Китае — 2025» [10], прекратил нарушать в американской интерпретации права интеллектуальной собственности и обеспечил условия для недискриминационного доступа американских инвесторов на китайский рынок. Пекин в свою очередь требует от Вашингтона снять тарифы в размере 25% на импорт товаров из КНР, прекратить расследование в отношении нарушения прав интеллектуальной собственности китайскими компаниями в рамках раздела 301 Закона о торговле 1974 г. и снять ограничения на экспорт высокотехнологичной продукции из США в Китай [11].

Однако впоследствии, в конце мая 2018 г., стороны вышли на компромиссные решения. Решающее значение здесь имели китайские уступки: снижение тарифов на импорт автомобилей, запчастей к ним, обещания закупать американскую аграрную продукцию практически без ограничения в объемах и т.п.

Пример китайско-американского торгового конфликта высветил весьма *интересный тренд*, суть которого в том, что администрация Трампа ищет способы оказания давления на страны с целью сокращения торгового дефицита, делая ставку не на международные механизмы разрешения торговых споров, а на внутреннее законодательство США, а именно разделы 201, 232 и 301 Закона о торговле 1974 г. [12].

Торговая политика США по отношению к Китаю, вероятнее всего, сохранит в себе такие инструменты, как манипулирование импортными пошлинами и санкционное давление на компании, работающие в высокотехнологичных отраслях экономики. Последнее доказывает пример с китайской корпорацией *ZTE*, которая попала под американские санкции за поставку телекоммуникационного оборудования в Иран [13].

Что касается третьих стран, то ухудшение американо-китайских торговых отношений может оказать на них *двойное влияние*.

С одной стороны, повышение импортных тарифов на китайскую продукцию может привести к тому, что возникающий вакуум будет заполняться продукцией из других стран. С другой — остается высоким риск и негативного эффекта¹.

В то же время последние события показывают заинтересованность США и Китая идти на поиск компромиссов с целью урегулирования напряженных моментов в двусторонних торговых отношениях. На наш взгляд, в будущем так называемые «торговые войны» между Вашингтоном и Пекином могут возникать с предсказуемой повторяемостью. Однако заинтересованность Китая в открытой торговле как факторе роста экономики КНР и усиливающаяся глобализационная взаимозависимость США и КНР как двух мировых экономических лидеров будут определять то, что в ходе даже самых жестких переговоров стороны *опять же с предсказуемой повторяемостью будут выходить на взаимовыгодные компромиссы*.

Современное состояние и перспективы развития АСЕАН

АСЕАН сталкивается с новыми трудностями в своей работе, среди которых:

- исчерпание экспортно ориентированных моделей развития стран-членов;
- нереализуемость стратегий многостороннего сотрудничества в регионе в формате ассоциации — при отсутствии явного и эффективного лидера;

¹ Так, например, когда в конце января 2018 г. в соответствии с разделом 201 Закона о торговле 1974 г. администрация Трампа на четыре года ввела импортные пошлины на солнечные панели и стиральные машины, от этого решения пострадали не только китайские, но и другие производители, в т.ч. и компании из Южной Кореи [14].

- утрата Ассоциацией приоритетного места в современной внешней политике США.

На этом фоне эксперты прогнозируют ряд шагов, которые Ассоциация может предпринять для усиления своей роли в АТР. Среди них:

- повышение статуса Генерального секретаря АСЕАН до уровня главы государства;
- отход от принципа консенсуса к обязывающим решениям, принимаемым большинством;
- внесение изменений в Хартию АСЕАН, касающихся процедур принятия или выхода государств из Ассоциации;
- придание Всеобъемлющему экономическому региональному партнерству (далее — ВЭРП) более глобального характера;
- переход к разработке и реализации идеи Трансевразийского партнерства, в основу которого ляжет сотрудничество между ШОС, ЕАЭС и АСЕАН [15, С. 55–62].

Другим направлением развития Ассоциации может стать политика, в т.ч. и в плане многосторонних согласованных решений, *адаптации инновационной стратегии АСЕАН к процессам IV промышленной революции*, принимая во внимание те потенциальные выгоды, которые Ассоциация может получить для своего дальнейшего развития в сфере телекоммуникаций, технологий прогнозирования и предотвращения стихийных бедствий и преодоления их последствий и т.д. [16].

Внутренняя и внешняя политика Китая

Исходя из анализа социально-экономических и политических процессов в КНР в ближней и среднесрочной перспективах приоритетное место в своей внешней политике Пекин будет отдавать *теме лидерства*, главным инструментом которого останется реализация инициативы «Пояс и путь». Китайское руководство прекрасно понимает, что идеи превращения Китая в мирового защитника «процессов глобализации» и «борьбы с протекционизмом» [17] смогут найти свое продуктивное воплощение только при сотрудничестве с США, но не в жестком противоборстве с Вашингтоном.

Для доктринального обеспечения своей внешней политики Китай будет все больше опираться на работу национальных «мозговых центров» и добиваться укрепления их позиций в мировой научно-экспертной среде через механизмы «второй и полуторной дорожек» [18, С. 9].

Внутриполитические процессы будут развиваться в направлении все большей концентрации власти в одних руках. Результаты XIX съезда КПК КНР продемонстрировали безальтернативный тренд на укрепление личной власти Си Цзиньпина. Его имя и идеи о построении «социализма с китайской спецификой новой эпохи» были внесены в Устав партии наряду с именами и идеями Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина [19]. В марте 2018 г. парламент КНР принял поправки к Конституции, снимающие ограничения на пребывание Си Цзиньпина на посту председателя КНР более двух сроков подряд.

Другой фактор внутренних процессов в Китае, часто ускользающий от внимания экспертов, — это *возможный политический кризис*

на Тайване, связанный с ростом националистических настроений на острове. В случае если вверх возьмут сторонники так называемой независимой «Республики Тайвань»², это подорвет стабильное внутривосточное развитие самого Китая. Пекин не сможет не реагировать жестко на сценарии независимости. И здесь возрастают риски появления различных вариантов разрешения ситуации, вплоть до военного — с тяжелейшими экономическими в плане социальной и политической стабильности угрозами для КНР.

В противовес этому резонно ожидать со стороны Пекина более активного продолжения традиционной стратегии, которая бы ориентировалась на экономическое поглощение и интеграцию Тайваня с материковым Китаем. Однако и такие попытки могут быть восприняты сторонниками независимости Тайваня в негативном ключе — что в свою очередь будет подталкивать Пекин к *новой жесткости*.

Можно предположить и то, что тема подхода к Тайваню — *традиционного и неизменного* — никакого компромисса по вопросу независимости острова или какого-то нового, более гибкого — будет постепенно превращаться в один из острейших вопросов внутрипартийной борьбы в Пекине. Если на кону окажется экономическая стабильность, которая может быть подорвана военным конфликтом в Тайваньском проливе, то не исключено, правда, сегодня исключительно теоретически, что какая-то часть китайского руководства сочтет необходимым скорректировать тайваньскую политику. «Либеральный подход» здесь может заключаться в том, чтобы «отпустить Тайвань» и при этом свести риск возникновения внутривосточного кризиса в самом Китае к нулю. Однако на настоящий момент такой сценарий кажется практически невероятным.

Япония

Внешняя политика Японии в АТР на фоне активности других стран *остаётся менее динамичной*. Токио прежде всего ориентируется на сохранение стабильности социально-экономического и политического развития внутри страны, но пока без активных заявок на лидерство в регионе.

И тем не менее в Японии не прекращается поиск новых политических идей, в т.ч. таких, которые могли бы избавить ее от негативного имиджа послевоенных десятилетий — имиджа страны-агрессора. Такого рода изыскания могут либо привести к росту числа националистически настроенных групп граждан в самой Японии, либо все же политически облегчить встраивание страны в региональное сообщество. Однако, на наш взгляд, традиционная инертность политической жизни Японии не позволит последнему, более позитивному, варианту реализоваться ранее, чем через 15–20 лет.

Концептуальные стратегические поиски Токио во многом будут оставаться под воздействием отношений между Китаем и США.

Например, форсированное формирование американо-китайского партнерства может решающим образом повлиять на раскрутку новых

² Сегодня тайваньские власти без всяких шансов на успех претендуют не на независимость, а на то, чтобы представлять на мировой арене весь Китай.

политических идей внутри Японии. Часть японской элиты может самым серьезным образом озаботиться угрозой изоляции страны. При этом в среднесрочной перспективе Китай в стратегическом восприятии японской элиты останется главным вызовом интересам Японии в сфере безопасности и экономики. И хотя *даже на таком фоне с серьезными изоляционными вызовами для Японии* трудно ожидать существенных сдвигов в двусторонних отношениях Токио и Пекина, на наш взгляд, нельзя все же исключать возможности появления идеи «ограниченного японо-китайского сближения», которое может заключаться, например, в позитивном отношении Японии к стратегии «Пояс и путь».

Полагаем, существует две сферы, где обеим странам даже при «ограниченном сближении» не удастся согласовать свои позиции.

1. Содействие развитию региональных интеграционных объединений, когда каждая из сторон претендует на роль лидера.

2. Решение ракетно-ядерной проблемы Северной Кореи, где интересы Пекина и Токио расходятся по методам преодоления ядерного кризиса, и обеспечение безопасности морских коммуникаций, когда Токио рассматривает китайские действия вокруг спорных морских территорий как угрозу.

В то же время высокая глобализационная экономическая взаимозависимость между Пекином и Токио, как и в случае китайско-американских отношений, будет способствовать сохранению диалога по важным вопросам двусторонней повестки дня. Диалога, который может привести к новым перспективным идеям и решениям.

При этом в ближайшие 10–15 лет Токио *останется военным союзником Вашингтона* при концентрации взаимодействия сторон на таких задачах, как:

- обеспечение Японией логистической поддержки вооруженных сил США, дислоцированных в АТР;
- координированная работа в сфере противоракетной обороны;
- борьба с терроризмом;
- совместное проведение миротворческих операций, военных учений, спасательных и поисковых работ.

В то же время в Токио уже сегодня существуют серьезные стратегические опасения в том плане, что американо-китайское партнерство может привести к тому, что *США откажутся* от ряда своих союзнических обязательств, например, по созданию совместной системы противоракетной обороны.

В целом можно прогнозировать, что внешнеполитический вес и роль Японии в процессах, разворачивающихся в АТР, в следующие 15–20 лет будет, скорее, снижаться, чем возрастать на фоне роста влияния Китая. Внешняя политика Токио будет делать акцент на развитии отношений со странами, которые заинтересованы в этом и имеют общие с Японией ценности. В экономике — это страны — участницы нового Соглашения о ТТП-11. В военно-политической сфере будут углубляться отношения с так называемыми демократическими странами в рамках концепции Индо-Тихоокеанского региона и формата *QUAD* (Япония, США, Австралия и Индия), направленных на сдерживание Китая и балансирование его увеличивающегося влияния в Азиатском регионе и в мире.

Ядерная проблема Корейского полуострова

Главной проблемой безопасности в АТР остается ракетно-ядерная программа КНДР.

Названный в Сеуле «историческим» Саммит Северной и Южной Кореи, состоявшийся 27 апреля 2018 г., не снял остроту проблемы. Зафиксированные в так называемой «Пханмунчжомской декларации» договоренности носят общий и не конкретный характер. Пхеньян не проявляет готовности назвать точное количество единиц своего ракетно-ядерного потенциала и открытости в плане «верификации» процедуры его уничтожения, на чем настаивают не только США, но и все участники переговорного шестистороннего процесса по ядерной проблеме Северной Кореи.

Внесенный в Декларацию тезис о «денуклеаризации Корейского полуострова» далек от изначальной задачи — ядерного разоружения Севера. Нынешнее понимание Северной Кореей «денуклеаризации всего полуострова» не прояснено Пхеньяном. Ранее, в 1990–2000-е гг., когда этот вопрос активно обсуждался, Пхеньян понимал под денуклеаризацией не только демонтаж собственной ядерной программы, но и устранение угроз собственной безопасности, под чем понималось и американское военное присутствие в Южной Корее, и военный потенциал Юга, и пропаганда против тоталитарного северокорейского режима, и применительно к сегодняшнему моменту санкции ООН, и т.д.

Не решает проблему и подвисшая (на момент написания статьи) встреча Ким Чен Ына и Трампа. Ким Чен Ын продолжает добиваться так называемого «индийского варианта» выхода из ядерного кризиса — т.е. признания Северной Кореи де-факто ядерным государством (что было сделано в Конституции КНДР еще в 2013 г.) и на этой основе развития ядерного диалога с США как равного с равным. Такой сценарий создавал бы реальную угрозу нарушения режима нераспространения ядерного оружия — что противоречит интересам не только США, но России и Китая — как ответственным ядерным державам.

События первой половины 2018 г. в развитии межкорейских отношений не изменили стратегической картины в целом. По-прежнему «на столе» остаются три основных сценария решения ракетно-ядерной проблемы КНДР [20].

1. В случае острой и реальной угрозы военного или техногенного характера возможен коллективный спланированный военный удар по ключевым объектам ядерной и ракетной инфраструктуры Северной Кореи. В настоящее время предпосылок для такого сценария нет ввиду того, что Китай и Россия настаивают на дипломатическом решении проблемы, а Южная Корея понимает риск ответных действий со стороны КНДР.

2. Введение внешнего управления Северной Кореей. Стоит отметить, что такой сценарий возможен только при наличии соответствующих резолюций Совбеза ООН, а также при условии перманентной заинтересованности и сплоченности всех акторов подобного сценария.

3. Установление всеобъемлющей финансовой и экономической блокады Пхеньяна. Но и данный вариант возможен только при наличии

скоординированной политики всех заинтересованных в решении проблемы сторон.

Главную угрозу региональной стабильности и режиму нераспространения ядерного оружия, по мнению авторов статьи, несет «индийский вариант» решения конфликта — когда главные игроки как бы закрывают глаза на ядерный статус Северной Кореи, продолжая курс на вовлечение страны в экономическое и иное сотрудничество с внешним миром. Этот вариант выглядит дипломатически привлекательным — конфликт решается мирным путем. Однако он несет серьезные угрозы распространения ядерного оружия со всеми отягощающими последствиями для региональной безопасности, в т.ч. и безопасности России.

Корея: проблема объединения Севера и Юга

В концептуальном плане позиция Сеула по динамике межкорейской ситуации будет направлена на снижение рисков коллапса северокорейского режима, что могло бы привести к непредсказуемым последствиям на Корейском полуострове.

Можно спрогнозировать возникновение *двух основных подходов к объединению* Корейского полуострова.

Во-первых, объединение через определенный период времени, в течение которого будет происходить адаптация Пхеньяна к условиям рыночной экономики, своего рода обучение Северной Кореи рынку (лучше дать удочку, чем подарить рыбу). При таком сценарии неизбежно в течение определенного времени сосуществование двух корейских государств. Идея *установления дипломатических отношений между Севером и Югом* может потеснить в стратегическом сознании нынешние идеи о том, что Север — часть Республики Кореи и дипотношения между двумя частями одной страны невозможны.

Во-вторых, введение внешнего управления в Северной Корее под эгидой ООН до того времени, пока Юг сможет полностью адаптировать Север к собственной рыночно-демократической модели.

В случае активных военно-политических действий со стороны Пхеньяна (ядерные испытания, военные провокации и т.д.), которые могут представлять реальную угрозу безопасности соседей как военного, так и техногенного характера, могут вновь стать актуальными идеи возобновления и усиления тесного сотрудничества пяти стран (Южной Кореи, США, Китая, России и Японии) по таким вопросам, как:

- разработка сценариев и формирование механизмов смены северокорейского режима;
- подготовка к посткризисному урегулированию;
- активизация усилий по введению тотальных санкций в отношении Пхеньяна;
- составление и анализ различных сценариев решения ракетно-ядерной программы КНДР.

Другой идеи, кроме создания со временем Единой Кореи на основе рыночно-демократической системы Южной Кореи, не появится.

Российский ракурс

Для российской политики в АТР на среднесрочную и стратегическую перспективы *будут характерны неравномерность и несбалансированность* при формулировании и реализации своих интересов в этом регионе. Меньшая динамика будет наблюдаться в отношениях со странами АСЕАН, российско-американские отношения будут носить волнообразный характер, отношения с Японией будут стабильными, хотя и малодинамичными. Отношения с корейскими государствами будут определяться развитием военно-политической обстановки на Корейском полуострове.

Одновременно с этим внешняя политика России будет *концентрироваться на китайском направлении*, учитывая заинтересованность Москвы в участии в китайском проекте «Пояс и путь», а также в решении ракетно-ядерной проблемы КНДР при китайском лидерстве в этом вопросе.

В настоящее время и Россия, и другие страны АТР ищут пути ускорения собственного социально-экономического развития. В плане создания внешних условий для обеспечения внутреннего развития России необходима активная *интеллектуальная работа* для доктринального сопровождения своей азиатской политики по четырем направлениям.

Во-первых, для России полезно изучить подходы таких стран с сильной ролью государства, как Китай, Малайзия, Сингапур и Вьетнам, к вопросу о месте и роли государственного сектора в экономике.

Во-вторых, учитывая заинтересованность Москвы в защите прав интеллектуальной собственности, имеется стратегическая потребность в увязывании позиции России по данному вопросу с подходами США, Японии и Южной Кореи, обладающих по нему большим опытом и авторитетом в регионе.

В-третьих, для России актуально донести до экспертных, деловых и политических элит региона как в концептуальном, так и в практическом плане свой подход к развитию государственно-частного партнерства, принимая во внимание высокую значимость данной темы для планирования внешнеполитических стратегий стран Азиатского региона.

Наконец, в-четвертых, представляется крайне важным, чтобы Россия постоянно продвигала в регион четкое видение своей азиатской политики, своих целей в плане роли и места России в АТР, наступательно, но в кооперативистском плане обозначила свои приоритеты и возможности вносить вклад в развитие региона.

Одним из главных преимуществ азиатской политики России является *дипломатическое присутствие Москвы практически во всех институтах, площадках и диалоговых форматах региона*. К России практически нет претензий со стороны региональных игроков по территориальным вопросам (за исключением спора по островам с Японией). Более того, Россия, в отличие от Китая, не рассматривается как военная угроза безопасности странам АТР.

Несбалансированный характер азиатской политики России с точки зрения ее экономического и политического измерений имеет и свою

позитивную сторону. Если в экономическом плане Россия отстает от стран региона, то в политическом может претендовать на видные роли в качестве интеллектуального и дипломатического лидера.

В практическом плане это представляется нам в следующем варианте.

Прежде всего в политической плоскости, учитывая единство подходов «пятерки» по поводу того, что ядерная Северная Корея абсолютно неприемлема, открываются возможности сотрудничества между нашими странами по решению ракетно-ядерной проблемы КНДР посредством ее полного и проверяемого ядерного разоружения.

Далее, для успешной реализации российских интересов крайне необходимо создание атмосферы взаимного доверия между всеми странами АТР с целью снятия военно-политической и стратегической напряженности в отношениях между ними.

Актуальным представляется формирование *антитеррористического регионального формата с участием АСЕАН*, главной задачей которого станет борьба с распространением влияния ИГИЛ и других террористических группировок в Юго-Восточной Азии.

В экономике России важно *координировать свое внутреннее законодательство по вопросам защиты прав интеллектуальной собственности* и правил ведения бизнеса с основными тенденциями в рамках АТЭС и стратегии «Пояс и путь».

Законодательная и направляющая политическая поддержка мелкого и среднего российского бизнеса, а также разделение полномочий и ответственности ведения бизнеса между федеральным центром и Тихоокеанской Россией — все это могло бы в свою очередь способствовать большей степени открытости российской экономики интеграционным процессам, разворачивающимся в регионе.

В целом у России есть шансы вести свою игру в АТР. И здесь мы возвращаемся к началу этой статьи, к идеям «умной силы» как составной части российской внешней политики, основанной на трех составляющих элементах:

- понимании настоящего и будущего АТР;
- понимании своих стратегических целей и возможностей;
- определении той степени уступок, того варианта компромисса, на которые Россия может пойти, и тех «красных линий», которые Россия не может позволить перейти в отстаивании своих интересов в АТР.

Однако ответы на эти вопросы — это уже тема нашей следующей работы.

Список литературы

1. Линь Ифу: Открываются новые возможности сотрудничества в сфере строительства инфраструктуры Китая и США // Синьхуа. 06.01.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-01/06/c_135961461.htm
2. Presidential Memorandum Regarding Withdrawal of the United States from the Trans-Pacific Partnership Negotiations and Agreement // The White House Official Website. 23.01.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential->

memorandum-regarding-withdrawal-united-states-trans-pacific-partnership-negotiations-agreement/

3. Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership (TPP-11) // Australian Government Official Website. URL: <http://dfat.gov.au/trade/agreements/not-yet-in-force/tpp-11/official-documents/Documents/tpp-11-treaty-text.pdf>

4. 共建“一带一路”：理念、实践与中国的贡献 [Building the Belt and Road: Concept, Practice and China's Contribution (In Chin.)] // Xinhua. 2017. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017-05/10/c_1120951928.htm

5. “一带一路” 建设海上合作设想 [Vision for Maritime Cooperation under the Belt and Road Initiative (In Chin.)]. State Council of the People's Republic of China. 2017. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-06/20/content_5203985.htm

6. 中国的北极政策 [China's Arctic Policy (In Chin.)] / The State Council Information Office of the People's Republic of China. 2018. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm>

7. Прогноз стратегий стран транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 83 с.

8. Lee Jae-Young. The New Northern Policy and Korean-Russian Cooperation // Valdai Papers. 2017. URL: <http://valdaiclub.com/files/16143/>

9. National Security Strategy of the United States of America // The White House Official Website. 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

10. 国务院关于印发《中国制造2025》的通知 [The State Council Published «Made in China — 2025» Announcement (In Chin.)] / The State Council Information Office of the People's Republic of China. 28.05.2015. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm

11. Ng T. The Main Barriers to a US-China Trade Deal: from US\$200 Billion Deficit Cuts to Better Market Access // South China Morning Post. 04.05.2018. URL: <http://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2144770/main-barriers-us-china-trade-deal-us200bn-deficit-cuts>

12. Yoon Y.J., Kim J., Kwon H.J., Kim W. Trump Administration's Trade Policy Toward China // World Economy Brief — KIEP Korea Institute International Economic Policy. 2018. Vol. 8. № 9.

13. Stecklow S., Freifeld K., Jiang S. U.S. Ban on Sales to China's ZTE Opens Fresh Front as Tensions Escalate // Reuters. 16.04.2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-zte/u-s-ban-on-sales-to-chinas-zte-opens-fresh-front-as-tensions-escalate-idUSKBN1HN1P1>

14. US Slaps 'America First' Tariffs on Washing Machines and Solar Panels // BBC News. 23.01.2018. URL: <http://www.bbc.com/news/business-42784380>

15. Прогноз стратегий стран транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М.: ИМЭМО РАН, 2017. 83 с.

16. Канаев Е.А. АСЕАН и Четвертая промышленная революция // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития, 2017. № 36. С. 11–23.

17. Full Text of Chinese President Xi Jinping's Keynote Speech at the World Economic Forum in 2017 // Xinhua. 06.04.2017. URL: http://www.china.org.cn/node_7247529/content_40569136.htm

18. Ломанов А.В. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8–18.

19. Резолюция XIX Всекитайского съезда КПК по проекту пересмотренного Устава КПК // Синьхуа. 24.10.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-10/24/c_136703044.htm

20. Crisis and New Political Agenda for the Korean Peninsula and the Regional Powers / eds. V. Mikheev, A. Fedorovsky. — Moscow: IMEMO, 2018. URL: https://www.imemo.ru/files/File/en/publ/2018/2018_001.pdf

FUTURE DEVELOPMENT OF THE ASIA-PACIFIC REGION AND ITS RUSSIAN DIMENSION

During the next 10 years, it's not expected the formation of the universal and comprehensive system of trade and economic relations in Asia-Pacific region. Moreover, at present it's observed the presence of several main economic initiatives and strategies, applying for the role of the economic driver of the region. Among them - China's initiative "Belt and Road", Comprehensive Regional Economic Partnership and so on. Of important influence on the economic architecture of the Asia-Pacific region was the US withdrawal from the Trans-Pacific Partnership and the reorientation of Washington towards the conclusion of bilateral trade agreements. The authors illustrate the fragmentation of the Asia-Pacific region from the point of view of security institutions, universal for the Asian region, and the impossibility of their formation in the short-term and medium-term perspective. The article is devoted to the study and forecasting of socio-economic and political processes in the Asia-Pacific region.

Keywords: security, cooperation, region, trade and economic system in Asia-Pacific region, economy.

JEL: F01, F02, F15, F29, F42

Дата поступления — 28.05.2018 г.

МИХЕЕВ Василий Васильевич

доктор экономических наук, академик РАН, заместитель директора; Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук / Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997.
e-mail: mikheev@imemo.ru

ИГНАТЬЕВ Сергей Владимирович

младший научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное научное учреждение Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук / Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997.
e-mail: ignatyev.serge@gmail.com

MIKHEEV Vasily V.

Dr. Sc. (Econ.), Academician of RAS, Deputy Director; Federal State budgetary Institute of Science Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, RAS (IMEMO) / 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.
e-mail: mikheev@imemo.ru

IGNATEV Sergei V.

Junior Research Fellow; Federal State budgetary Institute of Science Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) / 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997.
e-mail: ignatyev.serge@gmail.com

Для цитирования

Михеев В., Игнатьев С. Будущие сценарии развития Транстихоокеанского пространства и его российский ракурс // Федерализм. 2018. № 2. С. 97–111.